Кьёгоку

«Если Яхве был создателем расы, известной как Квинси, то Рей-о можно назвать источником самой силы Квинси. Оставил ли Рей-о настоящего ребенка до того как он был запечатан или «Сила», которой был лишен Рей-о, проявлялась в форме человека, я не могу сказать точно».

Токинада закончил говорить о прошлом Сообщества Душ примерно в то же время, что и монах. Ему нравилось наблюдать, как Хисаги отпускает Казешини и теряет равновесие, тогда он выбрал этот момент, чтобы направить пламя Рюджин Дзякки, чтобы сжечь тело Хисаги. Если бы Хисаги не отступил, как только почувствовал горячий воздух, его тело сгорело бы в уголь. Токинада хотел увидеть отчаяние на лице Хисаги, единственного противника, который еще не попал под действие заклинания полного гипноза. Именно по этой причине он разоблачил прошлое, заархивированное Домом Цунаяширо.

«Разве вы не находите это смешным? Рей-о, которого вы все так отчаянно пытались защитить ... спасителя человечества ... был пойман в ловушку самими предками шинигами. Яхве пытался спасти своего отца от изоляции, охватившей миллион лет; его отцу даже не дали привилегию на жизнь или смерть! "

С осторожностью подбирая слова, Токинада продолжал размахивать своим бесформенным занпакто. Лильтотто выпустила стрелу в его сторону, но она отклонилась от направления Токинады. Серо последовало за ней, но был встречен с тем же результатом. Способность Кьёка Суйгецу позволила им устремиться к почве, напоминающий гуманоидные формы, созданные Цучинамазу (Афро-сан в деле). Кроме того Хисаги, который мог точно судить о положении Токинады, постепенно замедлился. Таким образом, Токинада не должен был избегать своих атак так же, как раньше.

«Восстановление мира в его прежней форме или убийство его собственного отца и освобождение его; я думаю, что это было лучшее решение. Во всяком случае, Яхве поглотил Рей-о и в настоящее время он заменяет Рей-о. Ирония! Разве ты не согласен, а Кьёраку?

Кьёраку, который был тяжело ранен, слегка улыбнулся словам Токинады, с трудом выдохнув.

«Ну ... что я могу сказать ... Я немного груб, чтобы судить, правда ли ваша история ... На самом деле, это не имеет ничего общего с этой ситуацией».

«Должен ли я верить, что человек в твоей шкуре не знает этого, когда такие люди, как Айзен Соске и Урахара Киске, собирают информацию уже более века?»

«Вам не нужно в это верить. Единственный факт, который определен здесь, - это то, что Сообщество Душ и Мир Живых будут ввергнуты в хаос, если вы не остановитесь. Даже Уэко Мундо будет затронут».

«Что точно, так это то, что вы все умрете здесь».

Токинада весело рассмеялся, продолжая провоцировать всех.

«Правильно! У вас шинигами нет чувства справедливости! Естественно, я тоже веду себя в соответствии с наследием, оставленным моими ублюдочными предками, как подобает их потомку. Не думайте, что в этом мире когда-либо существовала справедливость. То, во что верил только Тоусен Канамае. "

Теперь Токинада владел огромным клинком «Тенкен», производящим большое количество

льда, используя способность «Хёринмару». Он выстрелил в них из сосулук. Каждый отблеск сосулук принимался за отдельную атаку и поэтому его стало невероятно трудно избежать. Чтобы защитить Кьёраку, Нанао установила ряд барьеров Кидо. Но создание нескольких барьеров одновременно было намного более изнурительным, чем обычное Кидо и поэтому Нанао истощалась .

«Я в порядке, Нанао-чан. Сконцентрируйся на защите себя».

Нанао ответила на слова Кьёраку, сжав выражение лица.

«Естественно расставлять приоритеты в безопасности Командира».

«Сейчас не время для социального обслуживания. Разве мы не сражаемся из за личных обид?»

«Тогда есть все больше причин ».

На словах Нанао, Кьёраку схватил свой занпакто со сложным выражением.

«... Но на самом деле, похоже ничего нет ... Должны были быть какие-то ограничения ...»

Убедившись, что ни один из барьеров Нанао не был потрачен впустую, Кьёраку обострил свои чувства, тщательно наблюдая за потоком рейши. Затем он почувствовал небольшое несоответствие в Токинаде.

"Не говори мне ..."

Рейкаку Кьёраку подхватило тот факт, что само Раяцу Токинады менялось. Вместо того чтобы трансформироваться, казалось, что это скорее постепенная деградация и склонение.

"Может ли быть так, что Токинада укорачивает свою жизнь?"

"Хо? Так ты понял это за такой короткий промежуток времени, а? Хахахахаха!"

Токинада не скрывал этого; он говорил об этом равнодушно, как будто утверждал, что такая слабость была незначительной.

«Именно поэтому бывший глава семьи не хотел обладать этим занпакто. Душа, потерянная владельцем, никогда не возвращается. Пока я продолжаю владеть ею, моя душа будет истощаться , подобно проклятию Исе меча , Хаккьёкен. "

Кьёраку посмотрел на Нанао. Защитно встав перед ней, он двинулся к Токинаде и спросил его:

«Я не понимаю. Вы готовы сделать ставку на свою жизнь только для собственного удовольствия?»

«Какой смысл жить, если я не буду рисковать своей жизнью ради собственного удовольствия? Моя жена тоже умерла от самопожертвования, но когда она поставлена против мира, это кажется незначительной разницей. Разница заключается только в точки зрения относительно того, хорошо это или нет. Только это ".

В течение нескольких поколений главе Дома Цунаяширо доверяли «историю» и этот «заветный меч». Однако, как только они узнают способности этого заветного меча, они не захотят трогать его, так как боятся смерти. Если освоить его , владелец может похвастаться непревзойденной силой, которая может сокрушить шинигами, пустого и Квинси. Но никто охотно не хочет

отрезать себе жизнь. Из-за этого меч продолжал оставаться запечатанным в секретном складе особняка, местонахождение которого было известно только Главе. То есть, пока не появилось исключение по имени Токинада. Он сильно отличался от Кенпачи, который находил удовольствие в риске жизни в битве. У этого человека был аномальный случай, и он был готов сократить свою собственную жизнь, чтобы презирать тех, кто жил сотни лет. И именно поэтому Токинада не колеблясь использовал этот проклятый меч, Энракьотен. Таким образом, этот человек стоял лицом к лицу с Кьёраку, смелый, жесткий и не сломленный.

Пока другие сражались, защищая себя, один человек постепенно обрел самообладание. Несмотря на упоминание имени «Тоусен Канаме», вызвавшего его гнев, он спокойно начал читать реяцу атак Токинады и начал уклоняться от каждого из них на волосок. Заметив спокойствие и точность его движений, Токинада обратился к этому одинокому сопернику, Хисаги Шухею, у которого все еще были закрыты глаза.

«Кажется, ты очень тихий, Хисаги Шухей. Забыл как говорить, узнав о «настоящей правде»?»

"....."

Хисаги не ответил на вопрос Токинады.

«Тебе совсем не весело. Разве твой мозг еще не обработал всю реальность?»

Несмотря на это, Хисаги все еще молчал и был спокоен, слушая слова Токинады. Если бы он слышал текущую историю в своем нормальном состоянии, он вероятно, сказал бы что-то вроде «закрой рот». Возможно, он даже взревел от ярости.

«Я бы подумал, что ты будешь более обеспокоен. На самом деле, я ожидал, что ты будешь кричать, как Тоусен Канаме».

Но тьма за его закрытыми глазами и страх, связанный с ним, успокоили сердце Хисаги. Напротив, это было потому, что его нынешнее состояние блокирования видимости им самим и значимость существования шинигами, изложенного Токинадой, напомнили ему о прошлом.

__ Сообщество Душ. Давно в прошлом __

Там не было ничего, кроме тьмы.

Нет света, нет звука, нет запаха, нет колебаний, нет жизни; только тьма и тишина растянулись до бесконечности.

Он понял, что несмотря на его способность глотать, ни один звук не мог вырваться из его горла. Он дрожал, его зубы иногда стучали, но звук не вышел и чувствовалось только тактильное ощущение.

Для Хисаги Шухея весь мир теперь был сведен к тому, что его занпакто крепко сжал его руку. Хисаги задумался, касаются ли подошвы его ног этого печально известного места, известного по слухам, как «Мукен».

Грешники, оказавшиеся в таком месте, наверняка потеряли бы рассудок, если бы оставались здесь более суток; они будут подавлены страхом, потеряв чувство себя. Хисаги подумал про себя, как долго будет продолжаться этот неизвестный ад небытия?

Он чувствовал, что слышит что-то сзади. Там не было ничего, только тишина, но это чувство

осталось. Хисаги не мог избавиться от ощущения, что что-то определенно было там. Монстр. Монстр более страшный, чем пустой, открывал свой огромный рот прямо за ним; смерть товарища переиграла в его голове.

В следующее мгновение лицо трупa сменилось его собственным

Хисаги, дрожа, попытался взмахнуть мечом за спиной. Но он был парализован.

Думая, что монстр все еще скрывается в темноте, Хисаги сломался; крича в ужасе.

Но тьма была внезапно снята. Его чувства вернулись сразу.

И Хисаги вспомнил.

Здесь, в Сообществе Душ был полдень и он сам был в лесу Руконгая. Вокруг никого не было, кроме его старшего офицера, который стоял прямо перед ним. Он вспомнил, что это был клинок его капитана. Он опустил свой занпакто.

"..... капитан Тоусен .."

Хисаги обильно потел, его сердце громко стучало в груди. Пройдет немного времени, чтобы привыкнуть к свету, звуку, запаху. В основном он был поражен чувством, что он все еще жив.

«Я решил, что это слишком опасно для вас. Прежде всего, вам следует отрегулировать свое дыхание».

«Прости меня. Это было самое неприглядное поведение с моей стороны».

Глубоко вздохнув, Хисаги опустил голову к Тоусену. Но Тоусен тихо покачал головой.

«Тебе не нужно извиняться. Здесь нечего стыдиться. Когда человек внезапно лишается всех своих чувств, это естественно знать страх. Даже для такого как я, который никогда не видел свет от рождения. ... если бы я был лишен моего чувства звука, я не смог бы двигаться ".

"Как долго я был в темноте?"

«Прошло полчаса».

Когда Хисаги услышал это, он сразу же пожалел о своей наивности, потому что думал, что прошло больше времени. Он посмотрел вверх; черный купол, созданный в лесу, рухнул и сошел на лезвии, которое держал в руке Тоусен.

"Так что это был ваш Банкай, капитан ..."

"Сузумуши Цуишики : Эмма Короги ... Это имя моего Банкая ."

Хисаги, которого только что назначили лейтенантом, был первым кто увидел Банкай Тоусена(это противоречит событиям, которые происходили во время "истории с вайзардами". Тоусен юзал Банкай до этого, как минимум на Кенсее и офицерах 9-го отряда). Обычно Банкай - это не то, что легко раскрывается другим. Считается разумным не выставлять напоказ, независимо от того, насколько он силен, кроме как в бою. Тоусен решил показать свой Банкай Хисаги, потому что хотел научить Хисаги «сущности страха».

Хотя он чувствовал себя плохо из-за того, что Банкай нужно показывать только по этой

причине, Хисаги цеплялся за ожидание и возможно, капитан настолько доверял ему, что открыл его ему. Но следующие слова Тоусена заставили его чувствовать себя стыдно.

«В тебе, несомненно, есть страх. Но я все еще не чувствую страха, исходящего от твоего меча и твоих слов».

"...."

Хисаги опустил голову на четкое утверждение Тоусена. Он понимал, насколько он был незрелым. Он слепо взмахнул мечом, потому что боялся темноты. Все, что он пытался сделать, это подавить страх силой; избавиться от страха. Это было далеко от метода боя Тоусена, в то же время позволяя страху пребывать внутри себя.

Хисаги молчал, Тоусен говорил медленно:

«Страх принимает различные формы ...»

Тоусен спрятал свое занпахто и повернул голову к небу. Как будто он подсчитывал количество облаков, плавающих в небе своими не зрячими глазами.

«Бояться того чёрного мира, свидетелем которого ты был сам, является обыденным. Когда кто-то рождается, они не знакомы ни со светом, ни со звуком. Когда ты сталкиваешься с миром, который тебе совершенно неизвестен, ты боишься этого. Если кто-то есть кто не боится чего-то подобного, тогда они не являются ни людьми, ни шинигами, ни пустым . Кого-то подобного можно назвать только «демоном» ».

{Прим. В манге Тоусен назвал Кенпачи демоном, потому что он был бесстрашным}

"Демон?"

«Те, кто не знает страха, со временем превратятся в демонов. То же самое касается и нас с вами. Чем больше мы пытаемся изгнать страх, тем больше наши сердца будут приближаться к таким переменам. Не забывайте об этом. "

«Не думаю, что вы когда-нибудь станете таким, капитан Тоусен».

Для Хисаги Тоусен был образцовым воином и шинигами. Даже если бы он отказался от страха, это означало бы, что он преодолел его. Хисаги, который еще не был достаточно зрелым, считал что такое изменение никогда не приведет Тоусена к пути зла .

«Я никогда не знал, что такое свет. И цвета, которые распространены по всему миру».

Тоусен говорил с Хисаги, как будто он предупреждал и его и себя самого.

«Если когда-нибудь наступит момент, когда я узнаю о них и я забуду свой страх, когда я начну видеть только надежду и счастье в красочном мире, тогда я больше не буду воином».

{Прим. Последнее предложение, произнесенное Тоусеном, было именно тем, что случилось с ним в будущем. После того, как Хисаги и Комамура успокоили Тоусена после его поражения, он начал плакать и хотел, чтобы Хисаги наклонился ближе, чтобы он мог помнить его лицо навсегда. Тоусен видел надежду и счастье. И сразу после этого Айзен испарил его, потому что тогда это означало бы, что Тоусен потеряет себя , поэтому убийство Айзеном было действительно " снисхождением " }

"Капитан ...?"

Тоусен повернул свои слепые глаза прямо к Хисаги, как будто он мог видеть сквозь его душу.

«Когда ты идешь по своему пути, со своей гордостью как шинигами; когда ты защищаешь сам мир, ты должен продолжать принимать страх».

«Придет время, когда вы еще не узнаете путь; когда вы еще не поймете, что такое гордость, когда вы столкнетесь с миром, о котором пока ничего не знаете; тогда вы окажетесь в месте, где вы не будете в безопасности.

__ Когьёку . Настоящее время __

Тоусен Канама заявил, что мир шинигами был мерзким. Хисаги не был полностью убежден тогда. Он часто спрашивал себя,

- Почему капитан Тоусен так ненавидел шинигами?

- Вместо того, чтобы ненавидеть человека по имени Цунаяширо Токинада, он кажется, ненавидел само существование «шинигами».

Наконец, понимая, что ответ на этот вопрос лежит в «грехе», о котором говорил Токинада, Хисаги пробормотал про себя:

«Я ничего не боялся ... Я ничего не осознавал ...»

"...? О чем ты говоришь?"

- с любопытством спросил Токинада, когда Хисаги наконец удалось выговорить слова. Вместо того, чтобы ответить на вопрос Токинады, Хисаги продолжал говорить тихим голосом, сердито упрекая себя:

"... И я думал, что всегда был праведным ..."

В его голове прозвучал голос Тоусена, те же самые слова, которые он произнес как подчиненный Айзена, когда Хисаги бросил ему вызов.

- «Ты не изменился».

- «Даже сейчас в твоих словах нет ни капли страха».

Хисаги вспомнил эти точные слова, когда говорил с Тессаем в городе Каракура. Однако теперь оно приобрело совершенно новый смысл и болезненно поразило сердце Хисаги.

-Я был так неправ. Мое чувство справедливости и праведности в отношении мира, в котором я нахожусь, было неверным.

-Я никогда даже не думал, что мог ошибаться. Я всегда считал, что капитаном Тоусеном манипулирует Айзен.

Тот, кто не боится своего собственного клинка, не имеет права вообще его держать.

Капитан Тоусен всегда так говорил.

Этот «клинок» не просто относился к занпакто. Это была метафора «справедливости», а Тоусен был самым клинком.

Слова, сказанные ему Токинадой, вероятно были правдой. Не было смысла лгать в этой ситуации. Кроме того, его история соответствовала собственным словам Айзена. И прежде всего это поддержало заявление Тоусена о том, что Сообщество Душ является злом.

Существование единого шинигами, такого как Токинада, не делало само Сообщество Душ злым. То, что сделало Сообщество Душ злым, было то, что его история была предательством желаний любимого друга Тоусена, желания, которое оно не прожило достаточно долго, чтобы увидеть само собой разумеющимся.

Не было бы преувеличением сказать, что Тоусен был врагом «справедливости» Сообщества Душ; то самое, что продолжало давать ложную надежду на то, что можно было смести облака, покрывавшие мир.

-Думаю, что раньше верил в «справедливость шинигами»

-Думаю, что я не боялся «справедливости шинигами»

-Но капитан Тоусен всегда жил со страхом.

«Если я действительно боялся битвы... тогда почему... я... сказал вам такую вещь, капитан Тоусен? Я фактически выбросил фразу «открыть глаза» на вас в моем невежестве, капитан! Ну и шутка!"

Услышав унижительный тон раскаяния Хисаги, Токинада наконец освободился от скуки. Выражение его лица было окрашено полной радостью.

«... Ах! Понятно. Вы сожалеете об этом? Вы даже не знали истинных чувств Тоусена, когда наносили ему удары, считая себя защитником справедливости! Что вы чувствуете, что делаете сейчас? Прошлое? Чтобы вернуться в прошлое, чтобы остановить слезы Тоусена и предотвратить его смерть? Или вернуться и воссоединиться с Тоусеном, объединившись с Айзеном? "

Медленно обдумывая слова Токинады, Хисаги заговорил так, словно пытался отогнать мурашек, ползающих по его телу. Слова Токинады прозвучали почти желанно, обращаясь к Хисаги.

"..... Даже так ... Я не собираюсь говорить, что капитан Тоусен был прав Даже если то, что вы говорите, верно ... Я все равно противостоял бы капитану Тоусену ..."

"О? Если так, то я воссоздаю это для тебя?"

Токинада вытянул новую силу из Энракьотен.

«Но скажи мне вот что ... Что бы ты сделал тогда? Ты знаешь лучше, чем кто-либо другой, что справедливость которой придерживался Тоусен, была не совсем хрупкой как страницы учебника, не так ли? Она была чистой, абсолютной».

Хисаги собирался ударить сотнями иглоподобных лезвий.

«Сузумуши Нишики: Бенихикоу».

Токинада использовал эту технику без колебаний исключительно, чтобы спровоцировать

Хисаги. Хотя она использовалась Тоусеном, раньше он принадлежала Какьё, жене Токинады.

Но потом -

Черная цепь, соединявшая два меча Казешини, противостояла каждому из многочисленных клинков.

"Что?"

Глядя на безупречно быстрое маневрирование цепью Хисаги, движение было настолько быстрым, что его было почти невозможно увидеть; улыбка была стерта с лица Токинады, сменяющаяся на выражение чистого шока.

С явной враждебностью, которую никто никогда не видел в характере Хисаги, он говорил с леденящей яростью:

«Я не думаю, что дал вам разрешение говорить о справедливости».

Хисаги упрекал себя или Токинаду?

Принимая тот факт, что ему нужно идти рука об руку со страхом, Хисаги бросил вызов Токинаде, играя на собственной судьбе.

«Ты даже не боишься умереть, не так ли, ублюдок? .. Но ты пожалеешь, что когда-то ошибся с капитаном Тоусеном».

<http://tl.rulate.ru/book/86976/3212434>